

**Нуртаев Рамазан Туякович,
доктор юридических наук, профессор**

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ
ЗА КОРРУПЦИЮ**

Как известно, в результате предпринятых активных усилий со стороны нашего государства создан значительный пакет правовых актов, концентрирующий в себе комплекс норм, регламентирующих вопросы противодействия коррупции в стране. Вместе с тем уместным будет отметить, что хотя действующее в нашей республике законодательство о борьбе с коррупцией и охватывает, можно сказать, регулирование всей совокупности отношений, иницируемых коррупционными деяниями, однако вряд ли будет обоснованно говорить о достижении цели эффективности действия этих правовых актов, поскольку действующее антикоррупционное законодательство недостаточно совершенно.

В интересах правильного разрешения задачи дальнейшего развития и совершенствования комплекса действующих правовых мер воздействия на коррупционные правонарушения целесообразно принимать во внимание перспективные идеи и рекомендации, сформулированные в научных работах отдельных выдающихся современных ученых. Так, особого внимания заслуживают следующие концептуальные положения, констатированные лауреатом Государственной премии Российской Федерации, профессором В.В. Луневым: «Коррупция не сводится к примитивным видам взяточничества. Она ищет современные и некриминализованные пути. Поэтому в действующем УК не предусмотрено многих форм реальной коррупции, например, - 1) коррупционного лоббизма; 2) коррупционного фаворитизма; 3) коррупционного протекционизма; 4) непотизма; 5) тайных взносов на политические цели; 6) взносов на выборы с последующей расплатой госдолжностями или лоббированием интересов; 7) келейного проведения приватизации, акционирования и залоговых аукционов; 8) незаконного предоставления налоговых и таможенных льгот; 9) перехода государственных должностных лиц (после отставки) на должности президентов подкормленных ими банков и корпораций; 10) коррупции за рубежом при заключении внешнеэкономических контрактов; 11) совмещения государственной службы с коммерческой деятельностью; незаконного обогащения и др.» [1].

Сформулированный профессором Луневым В.В. комплекс распространенных форм коррупции получил широкое распространение и в нашей республике. Следовательно, в нашем уголовном законодательстве уместным было бы сконструировать нормы, регламентирующие ответственность и наказание за названные выше виды коррупционных деяний.

По результатам анализа отдельных форм проявления коррупции уместно отметить, что одна из наиболее многочисленных и опасных видов коррупции – протекционизм. Профессор К.С. Бельский рассматривает протекционизм как элемент коррупции и наказуемое явление. «Протекционизм, - пишет он, – система подбора кадров на службу не по деловым признакам, а по знакомству, по протекции. Разновидности протекционизма в различной степени близости к этому понятию – непотизм, семейственность, кумовство, блат.

Непотизм (от лат. – племянник) – занятие по протекции престижных и доходных должностей родственниками и своими людьми в целях укрепления их положения и собственной власти. Семейственность – отношения на службе, на работе, основанные на предпочтении и поощрении, оказываемых по родственным связям или личной дружбе. Слово «кумовство» обозначает практически то же самое, что и семейственность, ослабления и поощрения по службе в угоду приятельским отношениям или родственным связям. Блат – знакомство, связи, которые противозаконно можно использовать в корыстных

видах. Интересно, что самый фундаментальный Словарь современного русского литературного языка, связывая блат с протекционизмом, трактует его как «способ получения чего-либо путем протекции или обмана» [2].

Можно вполне обоснованно утверждать, что феномен протекционизма, выступающий в качестве одного из составных элементов коррупции, является распространенным вредоносным деянием в странах постсоветского пространства. Корни массовой активизации протекционизма углубляются во времена брежневского застоя и стагнации. Когда фундаментальные основы проведения кадровой политики принято было строить на началах протекционизма: блата, семейственности, кумовства и nepотизма. Что в конечном итоге привело к массовой деградации и развалу советского общества.

В нашей республике о масштабах распространенности коррупционного протекционизма свидетельствуют факты привлечения к уголовной ответственности ряда чиновников, в числе которых оказались и сыновья двух депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан. У нас высветились по существу все формы проявления коррупционного протекционизма, как-то: nepотизм, семейственность, кумовство и блат. Однако ошибочно связывать факты проявления коррупционного протекционизма с некоей национальной ментальностью. Так как обращение к заповедникам исторической памяти наводит на вывод о признании справедливыми воспоминаний, характеризующих такие благородные незабываемые факты, свидетельствующие об антикоррупционном иммунитете нашего народа, как установленный законами обязательный порядок выборности чиновников всех рангов с учетом их деловых и морально-этических качеств. К примеру, наш выдающийся поэт и просветитель Абай Кунанбаев - совесть нашего народа, - многократно избирался Верховным судьей (Бас бий).

Если касаться вопроса поиска правильных путей, ориентированных на дальнейшее повышение эффективности противодействия коррупции, то целесообразным представляется государству активизировать свои усилия на принятие комплекса социальных, политических, правовых, экономических и культурно-воспитательных мер, направленных в совокупности на организацию более действенного противодействия коррупции и взяточничеству.

Говоря о конкретизации вопросов дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего меры ответственности и наказания за коррупционные деяния, следует отметить, что перспективным и целесообразным представляется принятие нашим государством мер, направленных на заимствование положительного опыта отдельных высокоразвитых зарубежных стран, добившихся неоспоримо выдающихся успехов в деятельности по минимизации коррупционных деяний. В частности уместным будет здесь отметить, что «в Индексе восприятия коррупции первое место принадлежит Дании и Новой Зеландии — 91 балл, второе место занимают Финляндия и Швеция — 89 баллов» [3].

Следовательно, перспективным представляется принятие мер по имплементации в наше национальное уголовное законодательство отдельных норм зарубежных стран, добившихся высоких успехов в противодействии коррупции. К примеру, Дания достигла высоких успехов в противодействии коррупции в результате применения наряду с другими мерами, так же и эффективно действующих норм уголовного законодательства. «УК Дании предусматривает довольно жесткую ответственность должностных лиц за преступления, совершенные при осуществлении государственных функций, затрагивающие права граждан (гл.16). Согласно п.1 § 146 УК Дании, если любое лицо, наделенное государственной властью принимать решения по вопросам, касающимся законных прав частных лиц, «проявляет несправедливость при разрешении или рассмотрении дела», то оно подлежит тюремному заключению на срок до шести лет. «Если такая несправедливость ухудшила условия жизни любого лица или если наступление такого последствия было предумышленно, то наказанием должно быть тюремное заключение на срок не менее трех и не более шестнадцати лет» (п.2 § 146). Таким образом, УК Дании охраняет социальные права граждан, включая охрану принципа социальной справедливости. ... решение вопроса о том, что считать справедливым в каждом конкретном случае не вызывает больших трудностей и возлагается на судей. При этом судьи отличаются большим консерватизмом во взглядах на роль уголовного права и наказания в деле поддержания социального порядка [4].

То есть в датском уголовном законе действует по сути всего один универсальный параграф - 146, в котором сконструированы меры уголовной ответственности чиновников

за допущение несправедливости в отношении граждан страны. Правотворческий и правоприменительный опыт Дании в решении вопросов борьбы с коррупцией заслуживает особого нашего внимания в связи с тем обстоятельством, что несмотря на наличие у нас множества правовых актов, включая сюда 10 статей целой Главы 15 Уголовного кодекса, Закон «О противодействии коррупции» и еще ряд законодательных и подзаконных правовых актов, степень эффективности борьбы с коррупцией находится на низком уровне (по Индексу восприятия коррупции у нас 31 балл, по степени активности стран в деле противодействия коррупции наша страна находится на 122 месте). Здесь вполне логично указать и на то обстоятельство, что одним из критериев эффективности правовой нормы является ее экономичность, под которой подразумевается затратный механизм, включающий в себя материальные средства, предназначенные для надлежащего обеспечения разработки, принятия и дальнейшего практического применения правовых актов. С этой точки зрения сравнение материальных затрат Дании на принятие и реализацию одного параграфа УК и затрат нашего государства на принятие и реализацию массы правовых актов, направленных на противодействие коррупции, конечно же, приведет к выводу о несравнимости ценовых издержек, характеризующих расходы нашей страны на борьбу с коррупцией.

То есть ныне сложившаяся объективная реальность, связанная с ценой коррупции (в особенности являющейся суммарной совокупностью наносимого госбюджету нашей страны многомиллиардного ущерба деяниями криминалоидных преступных элементов), наводит на вывод об актуальности поиска новых мер, направленных на повышение эффективности мер воздействия в отношении коррупционеров. Следовательно, учитывая приведенный выше положительный опыт Дании, в нашем национальном уголовном законодательстве целесообразным было бы сконструировать ряд универсальных норм, регламентирующих ответственность за отдельные однородные группы составов уголовных правонарушений, каковыми являются, скажем, рассматриваемые в рамках данной работы коррупционные деяния.

Заслуживают определенного внимания также и выдвигаемые в рамках современной юридической науки перспективные и ценные выводы и рекомендации по проблематике активизации противодействия коррупции. Так, известный профессор И.Я. Козаченко по результатам исследования вопросов противодействия коррупции предлагает реализовать следующие конкретные меры: «Нужно повсеместно создавать в обществе атмосферу «невыгодности» коррупционного поведения. Последнее возможно ... лишь при двух условиях: а) если любителей обратить в товар для подпольного рынка свое должностное положение лишит такой возможности путем отстранения, прежде всего, от права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; б) если все же чиновнику удастся поставить на поток своеобразный «рынок» на своем служебном месте, предусмотреть необходимость восстановления социальной справедливости, изъяв у него (и у других лиц, с кем поделился коррупционер) все то, что было приобретено неправедным путем» [5].

Решение вопросов совершенствования уголовного наказания за коррупционные деяния актуализируется в настоящее время в связи с отчетливо обозначившимися определенными модернизационными процессами в жизни государства и общества. Логичным будет здесь отметить, что наблюдающийся повышенный научный и практический интерес к активизации теоретической разработки проблемы уголовного наказания обусловлен выдвигаемыми новыми требованиями, связанными с проводимой государством уголовной политикой, сформулированной в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года. Концепция утверждает принципиальные начала уголовной политики, ориентированные на дальнейшее смягчение ответственности и наказания в отношении лиц, впервые совершивших деяния небольшой и средней тяжести, в отношении беременных и одиноких женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, в отношении несовершеннолетних, а также людей преклонного возраста. В то же время Концепцией устанавливается необходимость проведения жесткой уголовной политики в отношении лиц, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления, уклоняющихся от ответственности и наказания, а также в отношении лиц, злостно не желающих становиться на путь исправления и отказа от совершения новых общественно опасных деяний.

В рамках поиска путей для дальнейшего развития и совершенствования разработку проблемы уголовного наказания перспективным представляется строить на основе обнов-

ления его методологии изучения и исследования в соответствии с выдвигаемыми ныне требованиями, предъявляемыми к юридической науке и организации практики борьбы с уголовными правонарушениями в соответствии с действующим уголовным законодательством. Действующим же уголовным законом на наказание возлагаются функции восстановления социальной справедливости (реститутивные), исправления осужденных (ресоциализационные), а также общей и специальной превенции (предупредительно-профилактические) функции. Однако справедливости ради уместным было бы отметить, что в законодательстве недостаточно полную и четкую регламентацию нашли вопросы, связанные с определением целей, системы и функций наказания. Поэтому проблема уголовного наказания нуждается в переосмыслении и более подробной теоретической разработке.

В культуре человечества представления о природе наказания традиционно формировались на основе принципа талиона, меры за содеянное, эквивалентности (меновая теория) между степенью опасности преступления и мерами сатисфакции (воздаяния) за содеянное.

Профессор У.С. Джекебаев, на основе проведенного им подробного исследования научного наследия выдающегося ученого - профессора Пашуканиса Е.Б. по проблемам пенологии, сформулировал следующие концептуальные положения, касающиеся меновой теории:

«Меновая концепция права Е.Б. Пашуканиса связывается с обменом на договорных отношениях. Эту идею подтверждает профессор Фридрих Август фон Хайек — экономист, лауреат Нобелевской премии, который считает, что для обмена нужны лишь признанные правила, определяющие, что кому принадлежит, как передавать собственность по взаимному согласию. Сторонам не было нужды договариваться о целях сделки. Для операции обмена и в самом деле характерно, что они служат разным и независимым целям обеих сторон и помогают каждой преследовать свои цели. Обмен приносит сторонам тем большую выгоду, чем сильнее разнятся их цели.

Пенологические идеи Е.Б. Пашуканиса заставляют задуматься над смыслом и целью уголовного наказания. Эти идеи склоняют нас к тому, что целью уголовного наказания должно быть — воздаяние, утилитаризм и исправление» [6].

Обращение к пенологическим идеям профессора Пашуканиса Е.Б. представляется в настоящее время актуальным с точки зрения решения вопросов обновления подходов к построению пенитенциарной политики государства в условиях современных расширяющихся масштабов рыночных отношений. Профессор Пашуканис Е.Б., основываясь на проведенном им исследовании традиционных подходов к объяснению исторической природы и сущности происхождения принципа возмездия за содеянное, вывел концепцию эквивалентности уголовного наказания, руководствуясь идеями «меновая» теории права. «С точки зрения древнеримского права, - напоминал он, - не было ничего удивительного в том, что неисправный должник расплачивается частями своего тела, а виновный в членовредительстве отвечал своим имуществом. Идея эквивалентной сделки выступает здесь во всей своей обнаженности, не усложненная и не затушеванная какими-либо привходящими моментами. Соответственно этому и уголовный процесс приобретает характер коммерческой сделки. «Мы должны здесь, - говорит Иеринг, - представить себе торг, при котором, с одной стороны, запрашивают слишком много, а с другой стороны, сбавляют до тех пор, пока наконец не сторгуются» [7].

В контексте взаимосвязи с изложенными выше положениями проводимую нашим государством пенитенциарную политику в отношении коррупционеров правомерным представляется строить с учетом накопленного человеческого положительного опыта осуществления уголовной репрессии, основывающейся на принятии во внимание сущностных аспектов наказания и специфических особенностей функционирования общественных отношений на различных исторических этапах, включая сюда особенности ныне сложившихся в нашей республике рыночных отношений.

Раскрывая сущностные аспекты института наказания, профессор С.П. Мокринский в качестве обязательных факторов уголовной репрессии называл такие характерные черты, свойственные наказанию, как преднамеренное причинение виновному страданий, государственное принуждение к страданию. «С момента, когда государство перестанет реагировать на определенные факты посредством причинения страдания, должно будет исчезнуть из юридического лексикона и само это исторически сложившееся понятие.

Вторым признаком, характеризующим понятие уголовного наказания, является правовое свойство субъекта, причиняющего страдание. ...грабитель, ушедший с помятыми бо-

ками; убийца, в раскаянии самовольно нанесший себе тяжелую рану, – юридически не могут считаться наказанными, и самое зло, постигшее их, не подлежит зачету в наказание: ему не достает существенного признака — государственного принуждения к страданию» [8].

То есть в культуре и сознании человечества веками утвердилось убеждение, согласно которому в содержание уголовного наказания обязательно входит воздействие на виновного принудительной силы государства, обертывающееся перенесением виновным определенных страданий, без чего теряются значимость и смысл уголовной репрессии. В свою очередь, эффективное и справедливое применение государством принудительной силы и назначение мерами наказания в каждом случае такой дозы уголовно-исполнительного воздействия, которая способна обеспечить полную ресоциализацию осужденного, можно считать важным условием для повышения авторитета государства перед народом. И напротив, ведение необоснованно чрезмерно жесткой или неоправданно мягченно-либеральной уголовной политики способно привести к созданию в обществе атмосферы недоверия к государственным органам, осуществляющим борьбу с уголовными правонарушениями.

Всякие обсуждения вопросов относительно эффективности наказания за коррупционные деяния должны основываться на соблюдении требований, констатированных в статье 52 УК РК. Это имеются в виду соблюдения принципов: справедливости, индивидуализации наказания, экономии мер уголовно-правовой репрессии, социальной обусловленности и обоснованности наказания – для достижения в конечном итоге реститутивной, ресоциализационной и предупредительно-профилактической целей наказания. Которые могут быть достигнуты при условии, если право государства наказать преступника «ограничивается обязанностью наказать его лишь в меру содеянного, а на стороне преступника обязанность подвергнуться наказанию сочетается с правом быть наказанным в строгом соответствии с содеянным» [9].

Поскольку понятие справедливости наказания для характеристики применяемых мер государственного принуждения, сопряженного с причинением страдания в отношении лиц, осуждаемых за коррупционные деяния, имеет свои специфические особенности, то уместным представляется акцентировать внимание на раскрытии сущностных аспектов наказания коррупционеров с использованием философских положений, раскрывающих природу наказания за антисоциальное поведение.

Сущностную философскую природу принципа справедливости наказания в развернутом изложении представил человечеству Георг Гегель в следующем контексте: «Наказание, карающее преступника, не только справедливо в себе — в качестве справедливого оно есть вместе с тем его в себе сущая воля, наличное бытие его свободы, его право, – но есть также право, положенное в самом преступнике, т.е. в его налично сущей воле. Ибо в его поступке как поступке разумного существа заключено, что он нечто всеобщее, что им устанавливается закон, который преступник в этом поступке признал для себя, под который он, следовательно, может быть подведен как под свое право» [10].

Гегелем принцип справедливости наказания рассматривается в процитированном его положении под углом зрения восприятия в двух вариантах:

- 1) в восприятии через призму императивной объективной воли, установленной государством в законе;
- 2) в восприятии через объективную волю лица, преступающего закон.

Касаясь сущностной природы наказания за коррупционные деяния, уместным будет отметить, что лицо, совершая коррупционное уголовно наказуемое деяние по своему свободному волеизъявлению, сознательно выбирает антисоциальный вариант поведения. Поэтому применяемое государством наказание есть логическое следствие свободного волеизъявления такового виновного, вследствие чего состояние, в котором оказывается осужденный в процессе исполнения наказания, есть свободное для него состояние и в конечном итоге применяемые к нему меры государственного принуждения, сопряженные с причинением ему страданий, надо признать вполне справедливыми и целесообразными. Следовательно, принцип справедливости наказания за коррупционные деяния составляет его сущностную основу и любые отступления от принципа справедливости, также как и от других принципов, правомерным будет рассматривать как вредоносные и недопустимые с точки зрения принимаемых государством мер повышения эффективности противодействия коррупции в стране.

Однако несмотря на предпринимаемые нашим государством активные усилия по повышению эффективности противодействия коррупции, отдельные имеющие место несовер-

шенства в действующем законодательстве и отсутствие единообразного понимания в судебной практике, выступают в качестве факторов, препятствующих успешному ведению борьбы с коррупцией. К примеру, в соответствии с ныне действующей редакцией статьи 65 УК нашей республики возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием любого лица, совершившего уголовный проступок или впервые преступление. Руководствуясь этой нормой уголовного закона, отдельные судьи вводят практику освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием криминалоидных коррупционеров, виновных в получении взяток в особо крупном размере, разворовывании многомиллиардных госбюджетных средств. Такие судебные акты, несомненно, вызывают в обществе неприятие и соответственно, справедливое недовольство и возмущение граждан, поскольку государство не выполняет в достаточной мере возложенные на него функции в рамках осуществления пенитенциарной политики, игнорируя значимость общественного мнения и общественного правосознания. Сбрасывая тем самым из учета то объективное обстоятельство, что «успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли» [11].

В контексте взаимосвязи с изложенными выше положениями логичным представляется отметить, что одной из важных неразрывных составляющих в комплексе мер противодействия коррупции, ориентированных на достижение успеха, правомерным будет признать нравственный фактор борьбы с коррупцией. Выяснение нравственных аспектов противодействия коррупции представляет повышенный интерес как для решения вопросов правильного восприятия общественностью степени социальной опасности коррупции с целью повышения активности населения в организации противодействия ей, так и в интересах разработки мер адекватной сатисфакции (воздаяния) за содеянное посредством применения справедливого наказания в отношении коррупционеров с учетом их нравственных особенностей. При оценке которых нужно принимать во внимание то обстоятельство, что сущностную основу коррупционных деяний составляет феномен безнравственности, иницируемый мотивами жадности и корысти; преследованием цели бесконечного и ненасытного стремления к получению материальной выгоды посредством накопительства и непрерывного обогащения. Поэтому при назначении наказания за коррупционные деяния целесообразно на основе учета их сущностных особенностей ужесточить имущественные меры воздействия, связанные с обязательной конфискацией имущества, повышением размера штрафов, установлением обязанности загладить причиненный ущерб.

Следовательно, построение государством пенитенциарной политики в организации противодействия коррупции должно основываться на обязательном учете общественного мнения, уровня нравственного и правового сознания нашего народа в современных условиях. В связи с чем возникает необходимость пересмотра отдельных устоявшихся в доктрине методологических положений, касающихся оценки общественной опасности уголовно наказуемых деяний, поскольку «подход, согласно которому оценка общественной опасности деяния определяется исключительно сквозь призму содержащегося в санкции наказания, страдает существенным методологическим изъяном. Суть его в том, что проблема определения истинной степени общественной опасности деяний ставится с ног на голову, и ранжирование преступлений по степени тяжести производится не путем объективного измерения количества и качества заключенной в них вредоносности, а благодаря лишь ориентации на санкцию, конструируемую законодателем зачастую весьма произвольно» [12].

То есть при построении государством пенитенциарной политики в отношении коррупционеров необходимо, прежде всего, принимать во внимание объективные факторы, выступающие мерилami количества и качества общественно опасных деяний, сконцентрированных в их вредоносности для общества. А поскольку рыночные отношения (неизменным спутником которых является рост преступности, включая и коррупционные деяния) в нашей стране находятся еще лишь на стадии становления, то для правильного разрешения множества жизненно важных проблемных вопросов уместным будет обращаться к опыту высокоразвитых зарубежных стран, имеющих многовековой опыт организации рыночных отношений. Это касается и построения пенитенциарной политики государства в отношении взяточников и коррупционеров. К примеру, согласно статье 246 и 247 Уголовного кодекса Бельгии виновные во взяточничестве лица караются с учетом

степени общественной опасности содеянного тюремным заключением от шести месяцев до одного года и штрафом от ста франков до десяти тысяч франков или одним из этих наказаний; тюремным заключением на срок от шести месяцев до двух лет и штрафом от ста франков до двадцати пяти тысяч франков или одному из этих наказаний; тюремным заключением на срок от шести месяцев до трех лет и штрафу от ста франков до пятидесяти тысяч франков; тюремным заключением от шести месяцев до пяти лет и штрафом от ста франков до семидесяти пяти тысяч франков» [13].

Согласно санкций, предусмотренных статьями 432-10 — 432-13 Отдела третьего Уголовного кодекса Франции лица, виновные во взяточничестве и коррупции, наказываются: пятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 500 000 франков; десятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 1 000 000 франков [14].

То есть в соответствии с конструируемыми санкциями развитых зарубежных стран меры наказания за взяточничество и коррупцию предусматривают сочетание тюремного заключения и штрафа. Такой подход обусловлен учетом мотивационных особенностей и целей этой категории уголовных правонарушений. Мотивационная же особенность и цели этих деяний характеризуются, как известно, корыстными мотивами и преследованием цели незаконного обогащения.

Следовательно, для достижения реституционных, ресоциализационных и превентивных целей уголовного наказания за коррупцию в нашем уголовном законодательстве перспективным представляется:

1. Установить посредством внесения дополнения в часть вторую статьи 65 УК недопустимость освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лиц, совершивших коррупционное преступление;

2. Переконструировать в сторону ужесточения санкции статей 361, 362, 364-368 УК и предусмотреть в обязательном порядке практику применения основных наказаний в виде лишения свободы и штрафов.

Литература

1. Лунеев В.В. Россия должна исторгнуть приметы правовой системы Транай / Государство и право. - М., 2017, № 3. - С. 51-52.
2. Бельский К.С. Об уточнении понятия «коррупция» - Государство и право. - М., 2012, № 12. - С. 25.
3. Костенников М.В., Куракин А.В., Ватель А.Ю. Антикоррупционные и этические стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих / Государство и право. - М., 2014, № 10. - С. 29.
4. Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: Скандинавская уголовно-правовая и криминологическая модель / Гос-во и право. - М., 2008, № 7. - С. 58.
5. Козаченко И.Я. Коррупция — жестокая плата за потерянные стыд и этническое достоинство. - От криминологического законодательства к праву противодействия преступности (проблемы криминологии закона): Материалы Шестой международной научно-практической конференции. - Костанай, 2017. - С. 37.
6. Джекеебаев У.С. «Меновая» теория права Е.Б. Пашуканиса и проблемы пенологии / Право и государство. 2017, № 1-2 (74-75). - С. 102-103.
7. Цитируется по: Е.Б. Пашуканис. Избранные произведения по общей теории права и государства. - М., 1980. - С. 686.
8. С.П. Мокринский Наказание, его цели и предположения. - Философия уголовного права. - СПб, 2004. - С. 207.
9. Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности / Сов. Гос-во и право. - 1982, № 3. - С. 89.
10. Г.В.Ф. Гегель. Философия права. - М.: Мысль, 1990 (Философское наследие. Т. 113). - С. 145-146.
11. С.П. Мокринский. Указ. Соч. с.209. См. так же: Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. - Ленинград, 1976. - С. 61.
12. Цитируется по: Филимонов В.Д. Норма уголовного права. - СПб, 2004. - С. 208.
13. Уголовный кодекс Бельгии. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2004. - С. 163-168.
14. Уголовный кодекс Франции. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2002. - С. 383-388.